

За рубежом

МЕСЯЦ ВО ФРАНЦИИ

Д.М. КАБАЛЕВСКИЙ

1. В Париже

Прославленная своей красотой столица Франции Париж живет сейчас напряженной жизнью, насыщенной острой, хотя и затаенной борьбой. В Париже, как в зеркале, отражена полная противоречий жизнь всей страны.

Франция—страна свободолюбивого народа, страна демократических традиций и высокой культуры—во многом стала неузнаваема.

Если вы захотите посмотреть Версаль, походить по залам и по парку этого исторического дворца-музея под Парижем, вам не удастся сделать это так просто: в Версале расположился штаб американских войск в Европе. Американские войска расквартированы и в другом историческом предместье Парижа—в районе знаменитого дворца Фонтенбло, где Наполеон прощался со своей армией перед ссылкой на остров Эльбу. В Фонтенбло за колючей проволокой выстроен целый большой городок—американский городок в самом центре Франции! А над одним из входов во дворец—доска с многозначительной надписью: «Американская школа рисования. Американская музыкальная школа». Впрочем, это не единственное место, где можно увидеть подобного рода доски и дощечки. Рядом со старой церковью в городке Понтины я видел и другую надпись: «Франко-американский колледж»...

Идеологическое вторжение американцев во Францию подкреплено «солидными» аргументами, судя по количеству солдат и офицеров американской армии, встречавшихся нам повсюду.

Один известный французский журналист, работающий сейчас над книгой «Франция под американской оккупацией», говорил, что испытывает лишь одно затруднение в своей работе—чрезмерное обилие материала, доказывающего правомерность такого названия его новой книги.

Но видели мы и многое, что раскрывает истинное отношение французов к своим новым оккупантам. Для того, чтобы понять, как велика ненависть французского народа к американским завоевателям, с видом хозяев разгуливающим по французской земле, не надо даже разговаривать с французами на эту тему. Это видно уже из бесчисленных, весьма красноречивых, сделан-

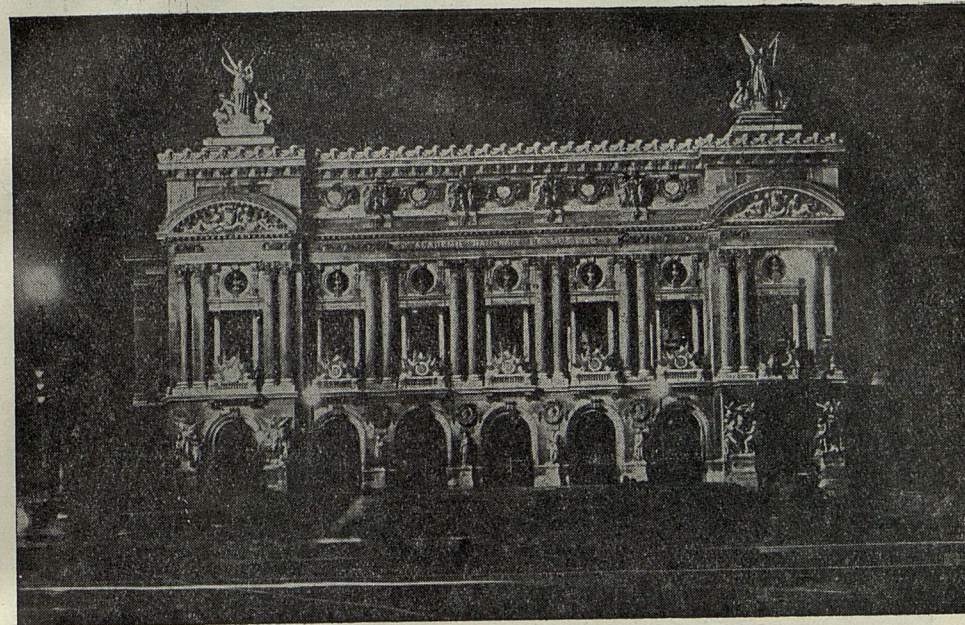
ных повсюду, в том числе и в центре Парижа, мелом или краской надписей: «US, go home!» («Американцы, убирайтесь домой!»).

На одной из многолюдных парижских площадей толпа народа, громко смеясь, смотрела на полицейского, стоявшего в центре площади. Он долго не мог понять причины такого интереса к своей особе и продолжал регулировать движение транспорта. Наконец сообразил: антиамериканскими лозунгами было украшено все основание небольшой платформы, на которой он стоял...

Бурную реакцию вызвал во Франции сфабрикованный американскими властями процесс супругов Розенберг. День за днем к зданию американского посольства в Париже двигались массы демонстрантов со всех концов города. Здание посольства было оцеплено американскими войсками и французской полицией. Но ничто, даже стрельба полицейских по мирным демонстрантам, не могло сломить упорства, с которым парижане выражали свое возмущение произволом американских палачей.

Американцы пытаются оказывать давление на все области материальной и духовной жизни Франции. Искусство не является исключением. Американские джазовые песенки звучат по радио и на эстраде. Более половины парижских кинотеатров, в том числе крупнейшие из них—на Елисейских полях и на Больших бульварах, демонстрируют исключительно американские кинофильмы, почти не знающие иных тем, кроме детектива, перемешанного с эротикой. Американская «литература» такого же пошиба продается во всех магазинах и киосках. В театре «Опера комик» недавно поставлена новая опера Игоря Стравинского «Похождения распутника»—последнее слово «американского оперного искусства».

Но пойдите на знаменитый парижский велодром, где проводятся массовые митинги, собирающие до пятидесяти тысяч человек самых различных профессий и политических убеждений, которые приходят для того, чтобы поднять свой голос в защиту мира, в защиту свободы и независимости Франции. Поезжайте в парижские предместья, где рабочая молодежь поет песни дружбы и мира. И вы тогда с полной ясностью почувствуете и поймете, чем живет, к чему стремится французский народ.

Парижский театр «Гранд опера»

Замечательное проявление французского свободолюбия, удивительной смелости и решительности я видел, проезжая через город Мелон, недалеко от Парижа. На берегу Сены — высокое мрачное здание тюрьмы с тремя рядами маленьких окошек, за одним из которых тогда еще томился французский патриот Анри Мартэн. От нижнего этажа прямо в воду спускается глухая стена, и на ней крупными буквами белой краской, видимо наспех, написано: «Libérez Henri Martin!» («Освободите Анри Мартэна!»). Сейчас, когда Анри Мартэн освобожден, еще острее вспоминаются эти слова — знак борьбы народа за мир, за свои демократические права.

А внешне Париж такой же, как мы привыкли представлять себе по литературе и живописи. Многолюдный, шумный, оживленный, весь в зелени, с бесконечным количеством расположившихся под тентами прямо на улицах кафе и ресторанов.

Париж пленяет своей красотой. Широкие масштабы архитектурных ансамблей, неотделимых от одетой в гранит Сены с ее пластично выгнутыми мостами, придают городу неповторимое своеобразие. Каждая большая магистраль, открывающаяся перед глазами, завершается каким-либо отчетливо видимым зданием или монументом. Эти своего рода архитектурные кульминации города по вечерам подсвечены прожекторами, и очертания Триумфальной арки, Вандомской колонны, Собора парижской богородицы, обелиска на площади Согласия, театра «Гранд опера», собора «Сакр кер» на Монмартрском холме приобретают особую, несколько фантастичную красоту. Два вращающихся прожектора на вершине Эйфелевой башни дополняют ночной пейзаж Парижа.

2. На международном соревновании музыкантов

Целью поездки советских музыкантов в Париж было участие в Международном конкурсе пианистов и скрипачей имени Маргариты Лонг и Жака Тибо. Это был семнадцатый международный конкурс, в котором приняли участие советские музыканты. С 1926 года, когда на шопеновском конкурсе в Варшаве совсем еще юный Лев Оборин получил первую премию, наши молодые музыканты завоевали шестьдесят международных премий, в том числе семнадцать первых.

Парижский конкурс 1953 года был одним из наиболее серьезных международных соревнований. Тридцать один скрипач и восемьдесят девять пианистов приехали на этот конкурс из двадцати пяти стран мира. Помимо Советского Союза и Франции, в нем участвовали музыканты Польши и Болгарии, Великобритании и США, Италии и Турции, Австрии и Израиля, Аргентины и других стран. Самые большие группы конкурсантов были выдвинуты Францией — девять скрипачей и двадцать семь пианистов — и США — семь скрипачей и восемь пианистов. От Советского Союза в конкурсе участвовали два скрипача — Нелли Школьников и Рафаил Соболевский — и два пианиста — Евгений Малинин и Станислав Нейгауз. Вместе со скрипачами на конкурс был направлен неизменный спутник наших международных конкурсантов — пианист-аккомпаниатор Владимир Ямпольский.

Среди членов жюри были крупные музыканты, в том числе профессора Московской консерватории Давид Ойстрах и Лев Оборин. От Франции в состав жюри входили скрипачи Ноэла

Члены советской делегации на парижском аэродроме

Кузен, Андре Юо, Анри Меркель, Фирмен Тушэ, Жюль Бушери, скрипачка и музыкальный критик Элен Журдан-Моранж, директор «Гранд опера» композитор Клод Дельвинкур, директор Валансиенской консерватории Евгений Боцца, профессор Парижской консерватории Надя Буланже и другие. Среди членов жюри от других стран были пианисты Артур Рубинштейн (США), Альдо Чикколини (Италия), Генрих Штомпка (Польша), скрипачи Гражина Бацевич (Польша) и Генрих Шеринг (Мексика), дирижеры Кларенс Райболд (Англия), Яша Горинштейн (США), Хозе Лимантур (Мексика), Эдвард Филип (Голландия), директор «Моцартеума» в Зальцбурге Паумгартнер, директор Лозаннской консерватории Альфред Пошон, директор Венецианской консерватории композитор Франческо Малипьеро и другие.

Председателем жюри конкурса скрипачей был Жозеф Кальве — член известного французского квартета, носящего его имя, председателем жюри конкурса пианистов — композитор, директор французской Академии в Риме Жак Ибер.

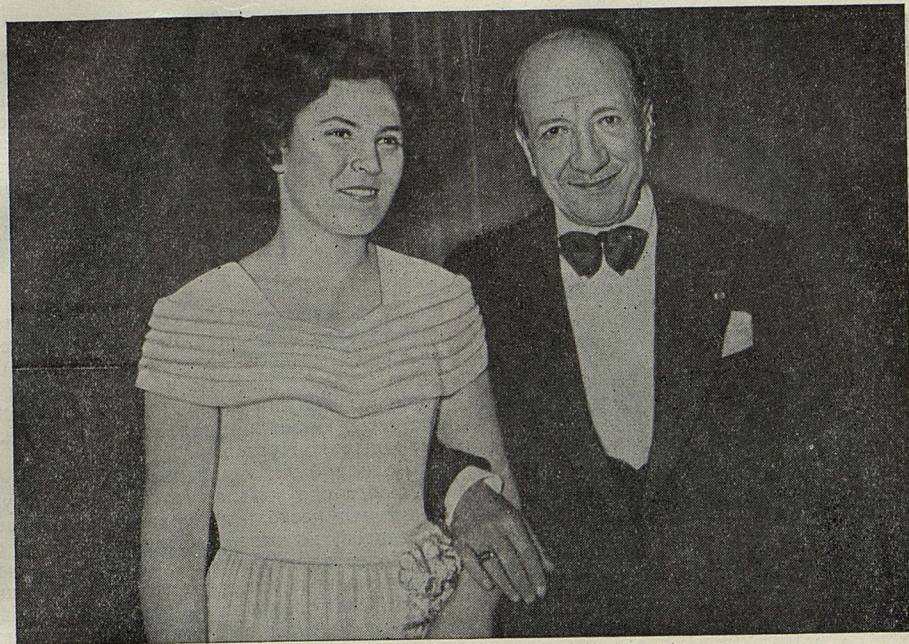
Все конкурсные испытания проходили в одном из известных парижских концертных залов — в зале Гаво. Конкурс скрипачей был проведен отдельно от конкурса пианистов, а в заключительном концерте предполагалось участие двух победителей, награжденных первыми премиями.

Конкурс скрипачей занял всего четыре дня. Такая сжатость сроков привела к тому, что некоторым конкурсантам (в частности, Нелли Школьниковой) пришлось играть программу трех туров в течение трех дней подряд. А программа была нелегкая, хотя и не слишком боль-

шая: в первом туре — две части из ре-минорной сюиты Баха и первая часть концерта Вьетана фа диез минор; во втором туре — соната-баллада Изаи, три этюда-каприза Паганини (по выбору исполнителя) и скерцо-тарантелла Венявского; в третьем туре — концерт с оркестром.

Несмотря на сильный в целом состав соревновавшихся, Соболевский и Школьникова уже в первом туре заметно выделились из общего уровня. Закрепив свои преимущества во втором туре, они к финалу вышли уже неоспоримыми претендентами на первые места. Достойной соперницей советских скрипачей была лишь молодая француженка Бланш Таржюс, обладающая очень привлекательным, поэтичным музыкальным даром.

Наши скрипачи вновь продемонстрировали на этом конкурсе характерные черты советской музыкально-исполнительской школы: отличное чувство стиля и умение правдиво выявить внутреннее содержание произведения, искреннюю эмоциональность и здоровый жизненный пульс, высокий уровень профессионального мастерства. Если сюита Баха требовала от исполнителей художественной зрелости, то концерт Вьетана оказался своеобразным испытанием на благородство художественного вкуса: как легко впадали здесь многие исполнители в дурной тон, салонную чувствительность! Отлично преодолели наши скрипачи огромные трудности этюдов Паганини, с которыми справились лишь очень немногие участники конкурса, даже те, кто вышел в финальный тур. В наибольшей же мере их артистизм и мастерство сказались в третьем туре — при исполнении Соболевским концерта Брамса и Школьниковой концерта Чайковского.

Нелли Школьникова и Жак Тибо

Нельзя обойти молчанием тот удивительный, кажется, беспрецедентный в конкурсной практике факт, что концерты с оркестром в финале конкурса исполнялись без единой оркестровой репетиции. Лишь накануне исполнения дирижер Жорж Цыпин прослушал все концерты с партитурой в руках — это и называлось «оркестровой репетицией». А если учесть, что оркестр, принимавший участие в финале конкурса, был очень слабым, состоял в значительной части из случайно приглашенных музыкантов (к тому же многие из них опоздали к началу и открывавший программу концерт Брамса игрался без фаготов и валторн!), то можно себе представить, какие большие дополнительные трудности встали перед молодыми участниками конкурса.

В связи с этим я хотел бы отметить еще одно существенное качество, присущее нашей советской музыкальной молодежи: большую волю, выдержку, способность не теряться и мобилизовать все внутренние силы в любой, даже очень сложной обстановке. Это качество, воспитываемое еще со школьных лет, и на этот раз помогло нашим музыкантам.

Решением жюри, как известно, первая премия имени Жака Тибо и специальная премия имени французской скрипачки Жинетты Неве за лучшее исполнение концерта с оркестром в третьем туре были присуждены советской скрипачке Нелли Школьниковой; две вторые премии — советскому скрипачу Рафаилу Соболевскому и француженке Бланш Таржюс; третья премия — Дороти Вейд (США), четвертая премия — Роберту Вировай (именовавшемуся в программах «апатридом», т. е. человеком без родины), пятая премия — Мишель Буссико (Франция), шестая премия — Джильде Мюльбауэр (США) и седьмая премия — Эдварду Статкевичу (Польша).

О Бланш Таржюс я уже упоминал: это, безусловно, сильная скрипачка и хороший музыкант. Она выступала недавно на конкурсе имени Венявского в Варшаве и заняла там также второе место, вслед за советским победителем конкурса Игорем Ойстрахом.

Из остальных лауреатов-скрипачей я хотел бы выделить другую француженку — Мишель Буссико, тоже очень одаренную скрипачку с настоящим художественным темпераментом. Вообще же говоря, в финал конкурса скрипачей вышла сильная восьмерка, и лишь обладатели настоящего таланта и мастерства могли занять в ней первые места.

Французская печать широко освещала ход конкурса, начиная с первого же тура. На следующий день после первого выступления Соболевского в «Юманите» была напечатана статья Жоржа Леона под заголовком: «Молодой советский скрипач Р. Соболевский произвел большое впечатление на публику», в которой Соболевский справедливо был выделен из всех других выступивших в тот день скрипачей.

Другой парижский критик — Жан Амон в газете «Комба» — еще до окончания конкурса утверждал, что Н. Школьникова является неоспоримым кандидатом на первую премию.

Присуждение премий обоим советским скрипачам сопровождалось столь большим и единодушным успехом, что его невозможно было обойти молчанием и статьи стали появляться едва ли не во всех, в том числе крупнейших, газетах.

Уже упоминавшийся Жан Амон вновь выступил в газете «Комба». Привожу некоторые выдержки из его статьи, тон которой типичен для большинства выступлений прессы о конкурсе: «Я писал в субботу, что если не случится какого-либо непредвиденного инцидента, молодая скрипач-

Нелли Школьникова, Мишель Буссино, Бланш Таржюс и Рафаил Соболевский

ка Нелли Школьникова займет первое место. Ее исполнение концерта Чайковского заставило аудиторию пережить прекрасные, волнующие минуты. Пораженная публика напряженно слушала ее игру; она прерывала свое взволнованное молчание после каждой части только для того, чтобы разразиться бурными аплодисментами или восхищенными возгласами... Я не мог вспомнить, чтобы мне когда-нибудь приходилось слышать более прекрасное исполнение этого труднейшего произведения. Я уже говорил о прекрасной пластичности звука Школьниковой, о его блеске, о его яркой рельефности, о его гибкости и протяженности, о замечательной равномерности, достигаемой благодаря правильному положению кисти, что является результатом прекрасного преподавания в Московской консерватории... Рафаил Соболевский, соотечественник победительницы конкурса, разделяет второе место с представительницей нашей страны Бланш Таржюс. Оба они артисты самого высокого мастерства...

Критик Кларендон в газете «Фигаро» сравнивал игру Школьниковой с игрой Хейфеца. С Хейфецом сравнивалась Школьникова и в корреспонденции, напечатанной в газете «Монд». Успех, сопровождавший ее исполнение концерта Чайковского, был назван в этой корреспонденции успехом триумфальным.

Во всех статьях отмечались также выдающиеся достоинства скрипачей, получивших вторые премии, — Соболевского и Таржюс.

На следующий день после окончания конкурса скрипачей началось соревнование пианистов. Восемьдесят девять музыкантов приняли участие в этом соревновании, продолжавшемся семь дней. Программа первого тура включала первую и четвертую части си-бемоль-минорной сонаты Шопена и пьесу по выбору конкурсанта; на втором туре исполнялись прелюдия и fuga Баха, соната Бетховена и какая-либо пьеса новых французских композиторов; в третьем туре — сочинения Шопена (мазурка, ноктюрн, скерцо и баллада) и концерт с оркестром.

Первым (по жеребьевке) пришлось играть советскому пианисту Станиславу Нейгаузу. Надо ли говорить о том, как трудно и невыгодно это место для участника конкурса, особенно при таком большом количестве соревнующихся? Играл Нейгауз хорошо, особенно сонату Шопена, — это было одно из самых лучших на конкурсе исполнений этого произведения. На второй день играл Евгений Малинин, с исключительным блеском и мастерством исполнивший «Мефисто-вальс» Листа.

На второй тур жюри допустило двадцать шесть участников. Оба советских пианиста зарекомендовали себя на этом туре как бесспорные претенденты на финальное испытание. Однако с этого момента гладкое и естественное течение конкурса нарушилось. Начались осложнения и эксцессы, каких не знал еще ни один из международных конкурсов.

Велики были удивление и возмущение публики, когда она узнала, что к третьему туру жюри допустило нескольких сравнительно слабых конкурсантов, но отвергло ряд пианистов, безусловно, более талантливых. Это решение жюри было встречено криками протеста, свистом и шумом.

На следующий день в газете «Комба» можно было прочитать: «Произошла прискорбная ошибка, которая практически испортила весь финал Международного конкурса пианистов имени Маргариты Лонг и Жака Тибо. Удивление и возмущение охватили публику в четверг вечером, когда жюри опубликовало список кандидатов, которым разрешено было после двух первых туров принять участие в третьем туре конкурса. От участия в финальном конкурсе были отстранены кандидаты такого неоспоримого мастерства, как Жорж Александрович, Станислав Нейгауз, Элеонора Файн. Вместо них к участию в последнем туре конкурса были допущены гораздо менее блестящие исполнители... Нужно признаться, что ес-

Филипп Антремон и Евгений Малинин

ли жюри было осведомлено и если инциденты возобновились с новой силой вчера утром до открытия финального конкурса, то оно вполне заслужило эту месть со стороны публики... финальный конкурс потерял всякий смысл.

Утром следующего дня, перед началом третьего тура, зал Гаво был заполнен больше обычного: публика стояла в проходах, сидела на ступеньках ярусов. Когда на своих обычных местах, в бельэтаже, появились члены жюри, зал разразился бурной демонстрацией протеста. Лишь одной заявлением, что «если это не прекратится — члены жюри будут вынуждены покинуть зал», Жаку Иберу удалось, наконец, водворить тишину.

Третий тур продолжался два дня. Пианистам пришлось пережить те же испытания, что и скрипачам, — играть с оркестром без репетиций. Талантливые пианисты справились с этой задачей, слабые — лишь еще больше обнаружили свою слабость.

Советский участник финального тура Евгений Малинин играл Второй концерт Рахманинова. Его исполнение, яркое, сочное и темпераментное, увлекло и дирижера, и оркестр, и публику. Способность сочетать мощную звучность в характерных для Рахманинова аккордовых эпизодах с поэтичной кантиленой, без которой нет самого главного в его Втором концерте, помогла Малинину сыграть это произведение с подлинным артистизмом.

Из остальных участников финального соревнования следует выделить француза Антремона — пианиста талантливого, технически сильного, хотя ему и недостает подлинной поэтичности; слепого итальянца Коломбо, поразившего публику технической точностью исполнения ми-бемоль-мажорного концерта Листа; польку Хессе-Буковскую, отлично, с большим проникновением в стиль композитора игравшую сочинения Шопена. Что же касается других пианистов — японки Танака, француженки Уссэ, австрийца Клина и болгарки Бехар, то выдвижение их на финальный тур конкурса не без оснований вызвало удивление со стороны публики и критики.

Почти четыре часа продолжалось заключительное заседание жюри. Переисленный зал в волнении ожидал решения. И вот, наконец, с листом бумаги в руках на своем председательском месте появился Жак Ибер. Остальные члены жюри сопровождали его. В зале наступила напряженная тишина. «Жюри постановило не присуждать первой премии ни одному из участников конкурса», — произнес Жак Ибер, и мгновенно в зале разразилось нечто такое, что трудно описать словами. Неистовые крики «Позор жюри!», пронзительный свист и завывание постепенно перешли в громкие скандированные возгласы большей части зала: «Ма-ли-нин! Ма-ли-нин! Ма-ли-нин!». Эта буря протеста и возмущения продолжалась не менее десяти минут.

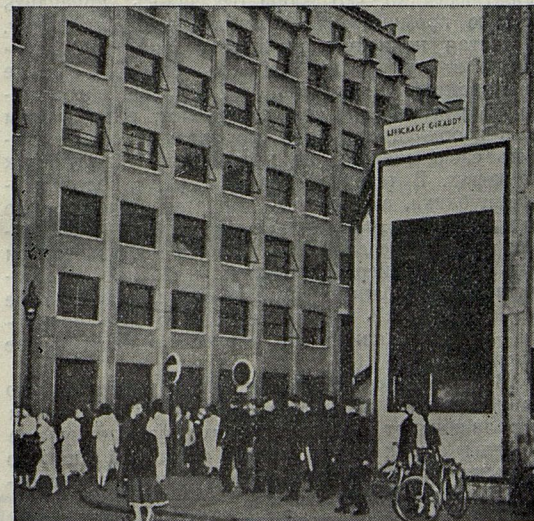
Лишь после того, как председатель назвал первым из лауреатов имя Малинина и он появился на эстраде, шум возмущения сменился овацией в честь советского победителя конкурса.

За Малининым на эстраду выходит Филипп Антремон, также получивший вторую премию. Затем, в порядке полученных премий, выходят Альберто Коломбо, Кийока Танака, Барбара Хессе-Буковская (ей присуждается также специальная премия за лучшее исполнение Шопена), Сесиль Уссэ, Вальтер Клин и Эмми Бехар.

Обращает на себя внимание то, что в этот момент в зале отсутствовали устроители и шефы конкурса Маргарита Лонг и Жак Тибо. Они, так же как и публика, возмущенные решением жюри, демонстративно покинули зал еще до окончательного принятия этого решения, заявив публике и представителям печати о полнейшем своем несогласии с ним.

То, что происходило дальше, было описано в корреспонденции, напечатанной на следующий день в газете «Юманите»: «Как мы уже говорили, подавляющая часть присутствовавших справедливо присудила первое место советскому пианисту Евгению Малинину, и, когда закончился конкурс, публика тесной толпой собралась у дверей зала Гаво, чтобы выразить жюри свой самый горячий протест, удивление и осуждение. Эта демонстрация любителей музыки, прекрасная в проявлении их прав, была не по вкусу полиции, которая — в какой уже раз — с неслыханной грубостью ринулась на толпу, ударяя то одного, то другого...»

Если кто-нибудь усомнится в правдивости приведенных выше слов, напечатанных под заголовком «Полиция и музыка», пусть посмотрит на помещенный здесь фотоснимок: полиция приступила к исполнению своих «служебных обязанностей»...

Нерасходившаяся толпа ожидала не только выхода жюри, чтобы еще раз выразить ему свое возмущение, но и выхода Малинина, чтобы вновь приветствовать его. Оvation была устроена появившемуся в вестибюле Станиславу Нейгаузу, успевшему завоевать симпатии публики. Толпа разошлась лишь под натиском полиции. Члены жюри исчезли из зала как-то незаметно, а Малинин был в это время уже дома и занимался, готовясь к заключительному концерту.

Этот торжественный концерт состоялся через день. В нем участвовали победители конкурса Нелли Школьникова, Филипп Антремон, Евгений Малинин и симфонический оркестр Парижского радио под управлением известного французского дирижера Шарля Мюнш.

Все билеты были распроданы за много дней до концерта. Внешний вид зала был иной, чем в дни рядовых конкурсных испытаний. Фраки и вечерние туалеты заполнили партер. Дипломаты, общественные и политические деятели, деятели культуры и искусства, буржуазный Париж и простые любители музыки пришли послушать музыкантов, завоевавших первые места на конкурсе. Министр просвещения Андре Мари произнес вступительную речь, в которой говорил о большом значении парижского конкурса, но умолчал о тех, кто оказался в нем победителями, даже не назвал их фамилий...

Хорошо и с успехом сыграл Ф. Антремон Первый концерт Брамса, еще успешнее, чем в последнем туре конкурса, исполнила Н. Школьниковна концерт Чайковского, и наибольший в этот вечер успех сопровождал выступление Е. Малинина со Вторым концертом Рахманинова: публика вызывала его десять раз...

Этот концерт повлек новую серию статей в прессе. Вот, например, что писала газета «Пари пресс» в статье под заголовком «Русский был лучшим»: «Малинин! Малинин! Еще вчера яростно раздавались эти крики в зале Гаво, где проходили окончательные испытания конкурса имени Маргариты Лонг и Жака Тибо. В субботу те же самые крики переросли в волнения, когда стало известно, что жюри отказалось присудить первую премию советскому пианисту Малинину. «Простая политическая демонстрация», — говорили по этому поводу. Но это неверно. Бурные аплодисменты, которыми был встречен вчера молодой русский артист, доказывают, если в этом есть необходимость, что его талант, чтобы получить свою оценку, не нуждается в партийных клакерах. В течение двадцати минут восторженная публика, в том числе три дамы, занимающие в настоящее время видное положение, — м-м Венсан Ориоль, бельгийская королева Елизавета и м-м Рене Мейер, аплодировала его игре... Маргарита Лонг публично осудила жюри, действующее от ее имени. «В музыке не должно быть политики», — твердо заявила она, — русский играл лучше всех».

В статье, помещенной в газете «Монд», было написано, что манера, с которой Школьниковна играла концерт Чайковского, «сразу выдвинула ее в ряды самых значительных скрипачей нашего времени» и что Малинин «безукоризненно исполнил концерт Рахманинова».

Небезинтересно привести еще одну выдержку из статьи в «Юманите», написанной критиком Жоржем Леоном: «По окончании конкурса Жак Тибо сказал мне: «Такой конкурс, как наш, должен быть музыкальным соревнованием. Политические мотивы не имеют с ним ничего общего. Первую премию должен был получить лучший исполнитель, кем бы он ни был». Неоспоримым лауреатом этого конкурса, — продолжает Леон, — был Малинин, но ему не дали первой премии. Создается впечатление, что жюри сделало все, чтобы помешать тому, чтобы две первые премии получили представители Советского Союза. Это скверная политика».

Из всех этих выступлений французской прессы становится совершенно очевидным, что решение жюри конкурса действительно было необъективным и явно противоречащим истинным результатам конкурса, равно как и не совпадающим с общественным мнением, в том числе и с мнени-

ем шефов конкурса Маргариты Лонг и Жака Тибо.

И все же, несмотря ни на какие случайности (если считать решение жюри случайностью), советские музыканты вновь оказались победителями на очередном международном конкурсе. С ними могли соревноваться двое французов, но опередить их не смог никто.

Это дало основание говорить после конкурса о существовании лишь двух исполнительских школ в наше время — советской и французской. Действительно, музыканты Советского Союза и Франции выступили как представители своих, имеющих яркую индивидуальность музыкально-исполнительских школ.

В наибольшей мере это относится к советской школе, которая основана на глубоко продуманной и хорошо организованной системе музыкального образования, школе, поддерживаемой государством, заинтересованным в том, чтобы одаренная молодежь имела свободный доступ в музыкальные училища и консерватории, где ей предоставляются все условия для развития своих способностей. И конечно же, победа Соболевского, Школьниковой и Малинина в Париже — это не только их личная победа, но победа всей советской музыкально-исполнительской школы, все советской музыкальной культуры.

3. Концерты советских музыкантов во Франции

Отъезд нашей группы из Парижа после конкурса задержался в связи с тем, что советские музыкантов просили выступить в ряде концертов. И на следующий же день после окончания конкурса началась своеобразная декада советской музыки во Франции.

В крупнейшем парижском концертном зале Шайо с симфоническим оркестром выступил Давид Ойстрах; с сонатной программой — Давид Ойстрах и Лев Оборин. В не менее известном зале Плейель выступили Нейгауз, Соболевский, Малинин и Школьниковна; в этом же зале заключительный концерт дали Оборин и Ойстрах. Концерт Обороина и Ойстраха состоялся также в Лилле, а в Бордо с симфоническим оркестром выступили Школьниковна и Малинин. Ряд выступлений советских музыкантов состоялся также в различных приходах: в обществе «Франция — Советский Союз», в клубе «Дом мысли», в литературном клубе и т. д.

На все концерты советских музыкантов много дней уже нельзя было достать ни одного билета. У входов стояли толпы людей. Здесь были не только парижане, но и любители музыки приехавшие из других городов Франции и даже из других стран. Перед концертом Ойстраха в зале Шайо ко мне умоляюще обратилась одна почтенная дама: «Я приехала на этот концерт и Стокгольма, помогите мне получить один билет!».

Эти концерты, прошедшие с исключительным успехом, имели не только художественное значение. Они явились широкой демонстрацией дружбы французских и советских музыкантов, олицетворяющей дружбу наших народов.

В этом смысле особенно показательны были три концерта. Первый из них — концерт советских и французских молодых исполнителей в зале Плейель, прошедший под знаком дружбы музыкальной молодежи наших стран. Молодой французский пианист Вейнберг, которого мы слы-

шали в этом концерте впервые, должен быть отмечен как превосходный исполнитель труднейшей топки Проккофьева. В этом концерте участвовали также Соболевский, Таржюс и Малинин.

Второй из этих концертов — концерт Ойстраха в зале Шайо, в котором он исполнил с оркестром концерты Моцарта, Брамса и Хачатуряна. Брамс и Хачатурян были исполнены под управлением дирижера Розенталя, а Моцартом изъяснил желание протектировать Жак Тибо, убедительно продемонстрировав тем самым дружественные чувства между музыкантами Франции и Советского Союза. Встав за свой дирижерский пульт, Жак Тибо, обратившись к Ойстраху, сказал: «Вы слышите, Париж аплодирует Вам, это значит, что мы знаем и любим Вас...» И, пожелав Ойстраху самого большого успеха, Тибо поднял дирижерскую палочку. Мы хорошо знаем Жака Тибо как выдающегося скрипача, но почти ничего не знаем о нем как о дирижере, и это очень жаль. Тибо — первоклассный дирижер, и исполнение им концерта Моцарта (слово «аккомпанемент» никак не подходит в данном случае) подтвердило это в полной мере.

Радостно отметить горячий прием, которым французская публика встретила концерт Хачатуряна, чья музыка, как и музыка других советских композиторов, особенно Проккофьева и Шостаковича, пользуется во Франции широкой известностью.

Мне редко приходилось быть свидетелем такого успеха, каким сопровождалась игра Ойстраха в этот вечер. Трудно сказать, какой из трех концертов был им сыгран лучше. Мне кажется, что все они были исполнены образцово и в музыкальном, и в техническом отношении.

Статьи об этом концерте были напечатаны во всех крупнейших французских газетах. «Чудо Ойстраха» — так назвала свою статью Элен Журдан-Моранж в газете «Леттр франсез». Под заголовком «Концерты одного из крупнейших скрипачей современности» была помещена статья об Ойстрахе в газете «Франс суар». Восторженные статьи были напечатаны в «Юманите», «Фигаро», «Монд», «Комба», «Орор» и других газетах. Любопытно отметить одну подробность — в афишах концерта Ойстраха было написано: «круп-

нейший советский скрипач». Многие критики не соглашались с таким определением, утверждая, что Ойстрах — не только крупнейший советский скрипач, но крупнейший из всех современных скрипачей вообще. Он «великий из наиболее великих нашего времени», — писала «Орор». «Советский Паганини» — так называл Ойстраха другой критик.

Третьим из упомянутых мною концертов был заключительный концерт в зале Плейель, в котором выступили Оборин и Ойстрах, исполнив большую программу, включавшую и произведения советских композиторов — Проккофьева, Шостаковича и Хачатуряна. Перед началом этого концерта выступил с речью один из руководителей общества «Франция — Советский Союз». Он говорил о том, какую большую роль в развитии и укреплении дружбы между нашими народами сыграло выступление советских музыкантов перед французской публикой, как и сам факт их приезда во Францию. Эта речь, равно как и ответное слово, которое пришлось произнести мне, как руководителю нашей группы, была горячо встречена аудиторией, сверх всяких норм заполнившей зал. Я еще раз убедился в том, что слово «дружба» вызывает самый искренний, самый глубокий отклик в сердцах многих и многих простых французов...

Говоря об исключительном успехе, который имели у парижской публики наши мастера Ойстрах и Оборин, я несколько не хочу преуменьшать и успеха, с которым выступала во всех своих концертах наша молодежь. С особым удовлетворением я вспоминаю о выступлении Станислава Нейгауза, покорившего публику проникновенным исполнением сочинений Шопена. В антракте многие видные музыканты, в том числе и Маргарита Лонг, и Жак Ибер, выражали свое искреннее восхищение талантом и мастерством Нейгауза, не уступающего своим молодым товарищам...

Концерты советских музыкантов явились большим событием в музыкальной жизни Парижа прошедшего сезона.

(Окончание следует)